

(в России – ред.) чуть больше 18 млн. детей, легко подсчитать, сколько пациентов первично заболевает в год – до 4 тыс. человек.

— **Недавно читал исследование социологов, которые изучали страхи населения России. Выяснилось, что один из наиболее распространённых – страх заболеть раком и СПИДом. Хотя, как мы знаем, наиболее частая причина смерти в нашей стране – это кардиологические заболевания. И, тем не менее, люди буквально боятся произносить слово «онкология» вслух – я это по себе знаю. Насколько россияне находятся под влиянием стереотипов о таких заболеваниях? Как часто они опускают руки, узнав диагноз?**

— Как врач хочу сказать, что сейчас рак не является фатальным заболеванием. В Российской Федерации выживают около 80% детей, заболевших онкологией.

— **Существует мнение, что если случилось такое горе, то на лечение бросаешь буквально всё, отдаёшь последнее, но всё равно оно стоит каких-то сумасшедших денег. У кого-то они есть, у большинства – просто нет. А потом ещё реабилитация, которая тоже требует затрат, и т.д. И вот мы включаем телевизор и всем миром с помощью СМС спасаем ребёнка. Или проводим благотворительные марафоны. Все телеканалы этим занимаются – и федеральные, и региональные. Насколько проблема финансовой невозможности родителей спасти своего ребёнка существует в России?**

— Вы затронули сразу несколько вопросов. Важно сказать, что у всех пациентов в России есть доступное лечение, потому что вслед за этой работой мы уплотнили тарифы ОМС, нашли деньги, чтобы все находящиеся в этом стандарте дети получали адекватное лечение.

Но мы приветствуем любую помощь, потому что во всём мире, включая самые дорогие страны, например, США, где затраты на здравоохранение превышают валовой национальный доход России, существуют благотворительные фонды и организации, которые собирают деньги для определённых нужд.

Так, знаменитый St. Jude Hospital в Мемфисе существует только на благотворительные средства – несколько миллионов американцев регулярно перечисляет какие-то деньги, чтобы пациенты этой больницы жили. То же самое и у нас. Например, мы много лет работаем с фондом «Подари жизнь» Чулпан Хаматовой и Дины Корзун. Этот фонд собирает около 2 млрд. руб. в год и расходует их на определённые нужды, и мы являемся одним из их потребителей.

— **На что идут эти деньги?**

— Мы активно ведём трансплантацию костного мозга детям с заболеваниями онкологического профиля, делаем более 200 таких пересадок в год, причем, основная их часть – неродственные. Для этого нужны доноры. Поскольку собственная донорская служба России слабая, мы работаем с немецкими банками доноров и через них имеем доступ к общемировой службе доноров. Весь забор и доставка материала из-за рубежа оплачиваются благотворительными фондами. Всё потому, что страна не оплачивает заграничные запросы.

Что же касается газет, телеканалов, которые собирают средства под конкретных людей, это своего рода долг каждого человека. Но есть и те организации, которые собирают деньги под идеологию – чтобы лечение было доступно одновременно большому количеству пациентов.

— **Много в России таких организаций?**

— Много. Наиболее активно работают с нами, как я уже сказал, фонд «Подари жизнь», «Благотворительный фонд Константина Хабенского», «Национальное единство» и целый ряд менее крупных фондов. Есть пациентские организации, которые поддерживают и учёных, и специалистов. В конце концов, есть бизнес, также поддерживающий инновации в области науки – ему легче научить человека орудовать ложкой, чем его кормить.

— **Я правильно понимаю, что в России тема благотворительности в последнее время становится всё понятнее для людей, которые активнее жертвуют средства?**

— Вы правильно понимаете. Но есть некоторые детали, на кото-

рые мне бы хотелось обратить внимание. В 1994 году, во времена Ельцина, был принят закон о благотворительности. Как и в случае с конституцией, за образец был взят американский пример. В этом законе, как и во многих его аналогичных западных вариациях, говорится, что человек или организация может передать свой доход в благотворительный фонд для различных акций (особенно в образовании и здравоохранении) и за счет этого лишается налогов на эту опцию.

Когда этот закон только появился, у меня не закрывались двери – ко мне приходили очень серьезные люди и заявляли о своей готовности вложить деньги. Но буквально через месяц вышел подзаконный акт, который ограничил безналоговое внесение средств пятью процентами. Естественно, многие российские предприниматели из этого поля вышли, и мы долгое время использовали наши контакты с зарубежными бизнесменами, которые вкладывали деньги в российских детей. Но сейчас мы готовы к тому, чтобы подвигнуть нашу Госдуму к тому, чтобы пересмотреть этот закон. Вы себе не представляете, какие средства могут быть вложены!

Приведу пример. Игорь Иванович Сечин (глава «Роснефти» – ред.) поддержал проект, который проводят наши специалисты в области лечения больных лейкемией с помощью иммунотерапии антителами, так называемыми КАР-клетками. Это уникальный опыт – их можно обучить борьбе с опухолевыми клетками, и они живут долго – до трёх лет. После введения эти вооружённые клетки делятся и постоянно уничтожают опухоль. Гениальная вещь! Несколько недель назад Food Drug Administration – регулирующая компания в США – разрешила использование этой технологии. Это очень дорого с точки зрения покупки. И Сечин из личных средств профинансировал эту работу у нас в России – это стоило 268 млн. на три года. Наши молодые сотрудники уже произвели КАР-клетки, и мы надеемся, что первый российский больной в ближайшее время начнёт получать лечение в таком варианте.

